

менно, чаще по очереди. Каждый был заинтересован иметь как можно больше материальных возможностей для этого. Личное стадо, являвшееся частью семейного, увеличивалось не только благодаря подаркам родственников и естественному приплоду, но и за счет животных, похищенных во время набегов на стада соседних народов. Чем больше было стадо, тем больше его владелец мог использовать животных в действиях, обеспечивающих рост престижа. Он мог со временем сам делать подарки, укрепляя тем узы родства и дружбы. От размеров стада зависела его способность устраивать мясные ритуальные трапезы для своей социальной группы. Скот определял возможность вступления в брак и получение социально-экономической независимости. В традиционном обществе скот постоянно «обращался» по внутренним каналам социальных связей. Это было главной целью создания и увеличения стада. Чем шире владелец стада мог обеспечить такие связи, тратя на них скот, тем крепче становилась сеть взаимных обязательств между ним и обществом и тем выше был престиж этого скотовладельца. Таким образом, каждый член скотоводческого общества — традиционный накопитель социального статуса. Статус тем выше, чем шире были возможности индивида постоянно распределять свое материальное достояние среди социально связанных с ним людей. Обмен ценностями по принципу «дар — ответный дар» был тем интенсивнее, чем больше материальных возможностей было у участников этого взаимного действия и чем выше, следовательно, было их социальное положение⁴⁷.

Таким образом, в Восточной Африке широко представлены разные типы традиционного производящего скотоводческого хозяйства, систематика которых еще не разработана. Однако можно утверждать, что сведение их к двум типам — пасторализм и нomaдизм — как это делают зарубежные исследователи, упрощает и схематизирует реальную картину⁴⁸. Как показывают фактические данные, в этой обширной области с разнообразными природными условиями обнаруживается наличие по крайней мере нескольких типов скотоводческого хозяйства: пастбищное (кочевое, полукочевое), трансгуманс (пастушеское) и отгонное (оседлое, полuosедлое)⁴⁹.

Дальнейшее изучение форм скотоводческого хозяйства в Восточной Африке и их типологизация будут способствовать определению хозяйственно-культурных типов традиционных обществ этой обширной области и, следовательно, воссозданию общепристорической картины этнических процессов, протекавших здесь в предколониальную эпоху.

⁴⁷ Максимов А. Н. Скотоводство малокультурных народов.— Уч. зап. Ин-та истории РАНИОН. М., 1927, т. 2, с. 4—10.

⁴⁸ В работах зарубежных авторов встречаются и иные, также двучленные типологии скотоводства Восточной Африки. Так, выделяются «номадизм» и «стационарное скотоводство» или «большой» и «малый» нomaдизм. См. например: Schinkel H.-G. Haltung, Zucht und Pflege des Viehs bei den Nomaden Ost- und Nordostafrikas. B., 1970.

⁴⁹ Типологию скотоводства см. в статье Г. Е. Маркова в настоящем номере журнала; см. также: Проблемы этнической географии и картографии. М.: Наука, 1982.

Г. Штробах

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ФОЛЬКЛОРА

Всевозможные конгрессы, симпозиумы и деловые командировки неизменно рожают у немецких исследователей фольклора чувство зависти к фольклористам других стран. Ведь у нас давно уже нарушилось, а по большей части и совсем прервалось развитие архаической фольклорной традиции, тогда как фольклористы многих стран до сих пор имеют возможность непосредственно изучать богатые и многообразные фоль-

клорные формы. С другой стороны, немецким исследователям известно множество исторических источников, свидетельствующих о существовании богатой фольклорной традиции у немецкого народа. Именно это определило характер немецкой фольклористики как исторической дисциплины. Историческая точка зрения была характерна уже для концепции Гердера; она явно сказалась и в тяге романтиков к изучению и восприятию фольклора. Основы для научного изучения фольклора как одной из отраслей историко-сравнительной филологии были заложены Я. Гриммом. Следует также отметить, что первое обширное собрание народных песен Л. Уланда, вышедшее в двух томах в 1844 и 1845 гг., — «Старинные верхне- и нижненемецкие песни» («*Alte hoch- und niederdeutsche Lieder*») содержало только исторические песни, в основном XVI в.

Источников для исторического изучения немецкого фольклора достаточно: многие из них можно с известной мерой достоверности отнести ко второй половине XV в.; отдельные драгоценные свидетельства восходят к позднему средневековью, и только некоторые менее достоверно — к средневековью раннему. Большой вклад в исследование и издание исторических источников внесен позитивистской буржуазной наукой; соответствующие труды и по сей день лежат в основе любого исторического исследования немецкого фольклора. Труды И. Больте и А. Коппа широко признаны в европейской науке.

Вместе с тем до сих пор еще нет достаточно глубоких и полных обобщающих исследований по истории отдельных жанров и тем более — всего немецкого фольклора в целом¹. Ученые занимались главным образом монографическим исследованием эволюции отдельных текстов, их типов и групп. Даже сравнительному анализу региональных традиций в историческом аспекте не уделялось должного внимания. Это объяснялось рядом причин. Одна из них заключается в том, что в поздней буржуазной науке господствовало представление о народной культуре и о словесном фольклоре как о некоей исконно существующей, не меняющейся субстанции. Подобная концепция, естественно, не могла способствовать появлению подлинно исторических исследований. Действительно, многие прозаические и песенные тексты столетиями жили в народной памяти, но это еще не означает полной неизменяемости традиции. Даже если сюжеты и типы сохранялись очень долго, непрерывно менялись их форма и характер изложения. Устная народная традиция постоянно варьирует, в результате чего появляется бесконечное множество чем-то отличающихся друг от друга отдельных редакций текста. Кроме того, в процессе бытования и передачи текста из поколения в поколение в него включаются новые сюжеты и типы, а многие старые исчезают. В ходе исторического развития изменяется и развивается социально-культурная функция словесного фольклора. Даже в пределах одной эпохи она варьирует применительно к разным классам и слоям общества. Так, например, по источникам XV — начала XVI в. — времени, когда впервые началась систематическая фиксация немецкой народной поэзии, песенные и прозаические повествовательные жанры, народные изречения и рассказы «бывалых людей» в прозаической и стихотворной форме составляли важнейшую часть культуры как деревенского населения, так и низших городских слоев. В то же время в средних бюргерских слоях и прежде всего среди ремесленников, мелкого купечества наряду с этими фольклорными жанрами бытовали литературные сюжеты и формы (например мейстерзанг). По мере распространения грамотности в XVI в. в системе духовной культуры средних, а позднее и нижних слоев бюргерства, а начиная с XIX в. — и сельского населения все более падал удельный вес традиционных жанров народного поэтического творчества, которые постепенно вытеснялись самым разнородным чтением. В ходе исторического развития изменяются не только содержание и форма отдельных жанров народ-

¹ См. краткую библиографию по истории немецкого народного творчества: *Deutsche Volksdichtung. Eine Einführung/Hrsg. vom Autorenkollektiv unter der Leitung von Strobach H.* Leipzig, 1979, S. 375—376.

ного творчества, но и их место в системе других жанров; они приобретают также иное общественное значение. Так, например, для немецкой устной повествовательной традиции XIX в. характерно доминирование шванка и вообще комических и развлекательных жанров и типов; сказки и былички о сверхестественных существах в основном отступают на задний план. Известно также, что не только сказки, но и некоторые виды песен в XIX — начале XX в. перекочевали из мира взрослых в мир детей. Передача текста все реже происходила устно и по памяти, возрастала роль книги. Сегодня же текст передается почти исключительно при помощи книги или технических средств коммуникации. Стало быть, изменялись и состав носителей традиции, и формы передачи народного творчества или определенных его жанров. Из сказанного выше ясно, что нельзя рассматривать народное творчество как нечто неизменное и однородное. Оно всегда было развивающимся, многообразным и многослойным явлением.

Невероятное изобилие постоянно меняющихся форм текстов и их содержания, а также многообразие социальных связей и культурных соотношений и функций фольклора несомненно приводили к тому, что исследователи редко отваживались на исторические обобщения, а если это и случалось, то их выводы неизменно объявляли слишком смелыми и преждевременными.

Действительно, при любой попытке обобщенного исторического изучения народно-поэтического творчества какой-либо этнической общности неизбежно возникают трудные проблемы, которые во всей их полноте я не берусь рассмотреть, хотя бы предварительно. Остановлюсь лишь на трех комплексах проблем, особенно важных для исторического исследования народного творчества: 1) источники; 2) историческое изучение функций фольклора; 3) значение диалектического соотношения стабильного и изменчивого в народной традиции.

Итак, первая проблема, возникающая при любом историческом исследовании — это определение характера информации, содержащейся в источнике, т. е. степени ее полноты, а также аутентичности источника. Иными словами, при изобилии исторического материала овладеть им весьма трудно; нельзя также не отметить существенных пробелов в имеющихся данных, а также неаутентичности значительной части доступных источников.

Естественно, что при любом исследовании приходится пользоваться лишь определенной частью всех существующих материалов по теме. При историческом исследовании критерии отбора источников должны зависеть от тенденций и основного направления исторического развития предмета исследования. Историческая картина, полученная в результате анализа отобранного материала, будет неизбежно беднее, чем реальное многообразие отдельных явлений традиционной народной поэзии. Она сможет передать их только приближенно. Но вместе с тем во всем многообразии и многослойности явлений можно проследить важнейшие признаки и тенденции исторического развития фольклора. В конечном счете речь идет, стало быть, не о проблеме источников, а о методологии, которой мы еще коснемся, говоря о третьем комплексе проблем.

Для обработки обширных материалов неоднократно предлагались, а отчасти уже применялись количественные методы. В будущем, как считают многие ученые, без количественных методов «нельзя будет обойтись, так как все большее число источников будет постепенно обращено в цифры, перфокарты, таблицы и программы для компьютеров»². Современная оценка достоинств и недостатков количественных методов колеблется от абсолютного скепсиса до чрезмерно преувеличенных надежд. Причина такой полярности взглядов в еще недостаточной ясности вопроса о роли количественных методов в историко-этнографических исследо-

² Engelberg E. Ereignis, Struktur und Entwicklung in der Geschichte.— In: Probleme der geschichtswissenschaftlichen Erkenntnis/Hrsg. von Engelberg E. und Küttler W. Berlin, 1977, S. 20.

ваниях. Чтобы правильно оценить значение подобных методов, нужно исходить из того, что их применение предполагает следующие условия:

1. Постановку вопроса или задачи в зависимости от специфики социально-исторической действительности и уровня ее изученности.

2. Наличие научно обоснованной теории, которая может быть в достаточной степени формализована для применения количественной методики.

3. Обоснованную оценку имеющихся источников, для чего и в дальнейшем должны применяться традиционные методы их верификации.

4. Критическое использование уже накопленных знаний о предмете исследования.

Отсюда ясно, что в рамках общетеоретических и методологических принципов количественные методы ни в коем случае не исключают других. Поэтому можно с уверенностью говорить о вспомогательном характере количественной методики³. Именно это обстоятельство и позволяет думать, что в будущем необходимость в ней возрастет, и границы ее применения расширятся. С ее помощью будет легче освоить всю полноту материала. Но сама по себе проблема обилия материала будет стоять с прежней остротой, так как возможность технической обработки большого массива источников неизбежно увеличит стремление к вовлечению все новых и новых данных. Это означает, что сохранится характерная для всякой обобщающей работы тенденция к верификации общих построений при помощи как можно большего числа источников.

Неполнота источников по-прежнему остается основной трудностью всякого этнографического и фольклористического анализа. Даже при самой напряженной собирательской деятельности из всех действительно исполняемых вариантов песен в многообразном потоке песенного творчества определенной области в определенное время фиксируются фактически лишь отдельные случаи, примеры, пробы. Особенно остро ощущается неполнота источников, когда мы обращаемся к «контексту», т. е. стремимся выяснить всю область социальных и культурных отношений, в которых в конкретных исторических условиях живет любой текст. Проблема «контекста» в качестве эвристического принципа присутствует во всяком исследовании и требует соответственного источниковедческого и аналитического инструментария. Следует также учитывать, что методы и цели собирания и исследования материала имеют исторически обусловленные границы. В качестве примера сказанному выше нужно привести работу по собиранию народной песни. Первые записи были сделаны Гете в Эльзасе в 1770 г. Вслед за тем появилось великое множество записей, которые помещались во многих изданиях, группировались по местностям, жанрам и тематическому признаку, по историческим периодам. Кроме песен, опубликованных в общих сборниках и сводах, накопилось еще множество рукописного материала в архивах, главным образом фольклорных. Но несмотря на интенсивную двухсотлетнюю собирательскую деятельность, материал все же не полон, не единообразен и обладает разной степенью аутентичности.

Многие тексты и мелодии извлекались из печатных сборников уже в обработанном виде. Причем обработки были самыми разными — от устранения отдельных ошибок в тексте до попыток реконструкции пратекста и даже сведения воедино многих, порою сохранившихся лишь в отрывках, записей. Можно встретить и коренную переработку текстов, принятую издателями книг.

Собиратели в соответствии со своими взглядами на народную поэзию часто интересовались лишь некоторыми видами народной прозы и песни («старинным», или «подлинным») или же определенными жанрами, например, балладой, обрядовыми песнями и т. д. Кроме того, в печатных изданиях избегали обычно эротических мотивов в связи с предвзятым отношением к этой тематике. Большинство собирателей не давало вовсе или давало лишь скудные указания о функциях, распространении и даже

³ Engelberg E. Op. cit., S. 20—21.

социальном слое, в котором бытовали данное повествование или песня. Следует также отметить, что некоторые области, например альпийские или нижненемецкие районы, изучены гораздо лучше других, что отразилось в различиях областных сборников. Однако внутри этих районов собиратели ориентировались почти исключительно на деревню, иногда на маленький город. Большой или средний город никогда не принимался во внимание.

Характер собирательской работы в значительной степени зависел от социальной принадлежности и политической установки исследователя. Это сказалось и на содержании сборников. Так, в сборниках второй половины XIX в. либо полностью отсутствуют, либо появляются лишь спорадически отдельные песни протеста и устная проза обличительного характера, а также песни и сказы рабочих. Рассказчики и певцы утаивали от собирателя тексты, направленные против существующей общественной системы и ее идеологии, или уже запрещенные государством...⁴.

При анализе рукописных и печатных песенников, «листовок», хроник, литературных памятников и других источников, появившихся не вследствие целеустремленной собирательской деятельности, а благодаря практической потребности, точно так же встают проблемы полноты источников и их аутентичности.

Мы уже упоминали, что в нашем распоряжении имеется довольно много ранних источников, и далеко не все они исчерпывающе изучены. Различные рукописи, начиная с середины XV в. (а с начала XVI в. и печатные песенники, листовки, литературные произведения и т. п.), сохранили нам в изобилии народные песни и прозу. Но следует помнить, что собиратели и издатели, как правило, отбирали и печатали песни непосредственно для исполнения или для распространения с коммерческой целью. И рукописи, и печатные издания почти всегда содержат наряду с народными песнями другой материал. Кроме того, здесь мы имеем дело чуть ли не исключительно с источниками бюргерско-городскими, содержащими лишь городские песни или песни сельских местностей, расположенных вблизи от города. Вся же крестьянская традиция представлена исторически крайне скудно, и ее трудно проследить. Сказанное относится ко всем знаменитым рукописям второй половины XV в., начиная с лохамского песенника и рукописного собрания песен аугсбургской монахини Клары Хецлерин до ростокского и глогауского песенников. В песнях композиторов немецкого бюргерства XVI в. (Финка, Рава, Отмайера, Форстера и др.) мы встречаем популярный песенный репертуар не в первоначальной народной форме, а в художественной обработке.

Нечто подобное происходит и с прозаическим фольклором. Когда, например, мы обнаруживаем пересказы сюжетов преданий и легенд в хрониках, трактатах, церковных притчах и пр. в качестве иллюстрации к историческим событиям, то мы имеем дело с их отдельными случайными редакциями. Этих отрывков недостаточно для суждений об устойчивости и формах функционирования той или иной традиции в определенных слоях населения. И главное: как правило, и форма, и содержание повествовательных произведений изменялись автором или составителем, а в хрониках, клерикальной литературе и т. п. они интерпретировались с точки зрения переписчиков и их заказчиков в интересах идеологии господствующих классов⁵. Со шванком дело обстоит несколько благополучнее. Сборники XVI и XVII вв. содержат множество произведений этого жанра. Но и здесь многие тексты подвергнуты литературной обработке⁶.

Важнейшая источниковедческая проблема, которую очень трудно, а часто и вовсе невозможно решить однозначно, состоит в том, чтобы уста-

⁴ Engelberg E. Op. cit., S. 20—21.

⁵ См.: Steinitz W. Deutsche Volkslieder demokratischen Charakters aus sechs Jahrhunderten. Berlin, 1954, B. 1, S. XXIV—XXV.

⁶ Burde-Schneidewind G. Bauernkriege des 16. Jts. in der Sagenüberlieferung.— In: Der arm man 1525. Berlin: Volkskundliche Studien, 1975, S. 274 ff.

новить, как в действительности было распространено то или иное произведение фольклора: повсеместно или только в определенных регионах и социальных слоях, и каковы были формы его распространения. Из сравнения всех доступных ранних и синхронных источников с более поздними фольклорными записями можно, соблюдая максимальную осторожность, сделать определенные выводы. Насколько осторожными должны быть подобные выводы, можно пояснить на примере балладной традиции. Подавляющее большинство всех немецких баллад дошло до нас в записях от современников Гердера. Однако это еще не значит, что немецкая народная баллада исторически была одним из жанров деревенского фольклора. Согласно одной из теорий, истоки немецкой народной баллады следует искать в городской среде позднего средневековья⁷. Дошедшие до нас исторические источники подтверждают эту гипотезу. Однако, учитывая ограниченность распространения грамотности, можно думать, что до нас дошли исторические свидетельства, восходящие чуть ли не исключительно к памятникам городской письменности. Видимо, лишь в очень небольшой степени они отражают сельскую традицию, остававшуюся по-прежнему бесписьменной. Здесь мы снова попадаем в замкнутый круг, так как теоретические предположения и характер источников, в конце концов, взаимообусловлены. Но именно поэтому на основании только письменной традиции нельзя с полным правом судить о возникновении и механизме передачи традиции. В большинстве случаев решающую роль играет анализ содержания текста. Даже если согласиться с положением о городском, бюргерском происхождении немецкой народной баллады, то на вопрос о том, когда и как жанр баллады переселился в деревню, имеющиеся источники не дают пока исторически достоверного ответа.

Скажем лишь, что при изучении текстов устных повествований, песен и других произведений фольклора нужно принимать во внимание и широкую область источников иного рода. Важные сведения о бытовании рассказов и песен и об их функциях можно обнаружить в разнообразных письменных источниках соответствующего времени — литературных произведениях, хрониках, описаниях стран и путешествий. Запреты, распоряжения полиции и цензуры, проповеди и церковные трактаты, в которых, например, осуждаются светские песни, содержат важные данные о повествовательном и песенном репертуаре и его жизни в народе. Для всей эпохи средневековья вплоть до XV в. такие косвенные свидетельства, как порицания и запреты церковных властей, являются едва ли не единственными источниками, из которых можно почерпнуть краткие и всегда требующие критического подхода сведения о песенном и повествовательном репертуаре народа, об употребляемых им пословицах. Еще Гердер указывал на важное значение хроник и подобной им исторической литературы для изучения фольклора. Арним и Брентано широко использовали подобные источники в сборнике «Волшебный рог мальчика», контаминируя тексты для своего издания и порой значительно их обрабатывая. Из тех же источников почерпнули большинство своих «народных преданий» Я. и В. Гримм.

Долгое время из этих источников выделяли только фольклорные тексты. И лишь постепенно более или менее стихийно из них стали извлекать сведения о жизни и функционировании фольклора и об условиях, в которых происходит передача его из поколения в поколение. Систематическое же изучение указанных источников началось лишь в последнее время в крупнейших архивах и в рамках исследовательской группы Международного общества по изучению народной музыки (IFMC). Таким образом, был введен в оборот обширный материал для исторического исследования фольклора. По мере расширения публикаций, изучения не опубликованных до сих пор рукописных сборников и обнаружения новых рукописей или старопечатных сборников источниковая база

⁷ См. *Deutsche Volksdichtung. Eine Einführung*; Reclam Universal-Bibliothek № 782. Leipzig, 1979. Или то же: Röderberg-Taschenbuch. Frankfurt a. M., 1979, B. 82.

фольклорных исследований будет становиться все более надежной. Однако ее абсолютная полнота по-прежнему будет, как уже говорилось, оставаться утопией. Поэтому всякие исторические исследования должны учитывать ограниченность имеющихся исторических источников и соответственно оценивать надежность их данных и относительность построенных на них выводов.

Особенности источников обуславливают и еще один круг методологических проблем. Фольклористика ГДР особенно интенсивно занималась изучением демократических и революционных традиций немецкого фольклора. Именно эту задачу поставил перед фольклористами сразу же после 1945 г. В. Штейниц. А важнейшей публикацией по этой тематике стал его собственный двухтомный свод «Шесть веков немецкой демократической песни». Вслед за ним за пределами ГДР стали выходить публикации того же характера⁸. Теперь появилась необходимость полного всестороннего исследования немецкого народного творчества для того, чтобы определить место демократического и революционного фольклора в устно-поэтическом репертуаре и тем самым рассмотреть социальную критику, социальный протест и обличение в произведениях фольклора в свете проблемы социальной функции фольклора. Ибо социальные моменты выражены в фольклорных текстах в различной степени и очень по-разному. Текст, содержащий социальную критику, в антагонистическом обществе может быть прямым обвинением и средством протеста против господствующей несправедливости, угнетения и эксплуатации, но в определенных ситуациях он служит только выражением общего настроения и имеет чисто развлекательную функцию⁹. С другой стороны, и тексты, не содержащие прямой социальной критики, в определенных ситуациях выражают социальный протест угнетенных масс и даже становятся сигналом к восстанию. Тому есть немало исторических примеров¹⁰. Общеизвестен методологический принцип, согласно которому социальная критика, протест и обличение не просто дословно вычитываются в самом тексте повествования или песни, а понимаются как функция текста, которая так или иначе воспринимается каждым носителем традиции применительно к определенной общественно-исторической ситуации.

В исторических источниках крайне редко можно найти указания на былую функцию зафиксированных народно-поэтических текстов. Подавляющее большинство архивных материалов — это только записи текстов. И требуется специальное исследование для выяснения их социальной функции. Важным, а часто и единственным реальным вспомогательным средством является выяснение устойчивости или изменчивости текста и его варьирования в традиции. Поясним это на примере. Одна из самых лучших немецких баллад «О двух подружках», зафиксированная еще в XV в., часто начинается так:

Es waren zwei Gespielen,
die gingen beide spazieren;
die eine führt ein' frischen Mut,
die andre weint so sehre.

Жили были две подружки,
ходили обе гулять,
одна была всегда веселой,
другая уж очень сильно плакала¹¹.

⁸ Hruby A. Zur Entstehungsgeschichte der ältesten deutschen Balladen.— In: Orbis literarum 7. Kopenhagen, 1949, S. 1—30; ср. также: Rosenfeld H. Heldenballade.— In: Handbuch des Volksliedes. München, 1973, B. 1, S. 64, 69, 72.

⁹ Strobach H. Bauernklagen. Untersuchungen zum sozialkritischen deutschen Volkslied. Berlin, 1964; Zur sozialen Funktion von Balladen.— In: 9. Arbeitstagung über Fragen des Typenindex der europäischen Volksballaden der S. I. E. F.— Kommission Volksdichtung in Esztergom 1978. Budapest, 1979, S. 68, 99; Neumann B. Der mecklenburgische Volksschwank. Sein sozialer Gehalt und seine soziale Funktion. Berlin, 1964.

¹⁰ О роли, которую сыграла в восстаниях 1510 и 1511 годов в Рудных горах, в канун раннебуржуазной революции, баллада «Schreiber in Korb», см., например: Ludwig Erk und Franz M. Böhme, Deutscher Liederhort. Leipzig, 1893, B. 1, S. 477; Uhlands Schriften zur Geschichte der Dichtung und Sage. Stuttgart, 1869, B. 4, S. 253—254.

¹¹ Steinitz W. Deutsche Volkslieder demokratischen Charakters aus sechs Jahrhunderten. Berlin, 1954, B. 1, S. 182.

Содержание баллады таково: перед юным героем стоит выбор — жениться на богатой или бедной девушке. Он выбирает бедную, так как любит ее, но в этом решении немаловажную роль играет и ее социальное положение. В тексте XVI в. прямо так и говорится:

Und wenn die Reiche das Gut verzehrt,
So hat die Lieb ein Ende,
wir zwey wir sind noch jung und stark,
gros gut wollen wir erwerben.

А когда богатая проест свое богатство,
кончится и любовь,
мы же оба еще молоды и сильны,
и еще наживем богатство ¹².

В этой песне отражено самосознание городского немецкого бюргерства XVI в., эпохи, отмеченной в Германии реформацией и крестьянскими войнами, т. е. раннебуржуазной революцией. В более поздних редакциях XIX в. эта социальная тенденция выступает в специфически измененной форме. Теперь эти строки звучат так:

So will ich die Reiche fahren lan (lassen)
Und mich zur Armen kehren;
Wir beide sind noch jung und stark,
Wir werden uns schon ernähren.

Так брошу я богатую
и вернусь я к бедной;
мы оба еще молоды и сильны,
и уж как-нибудь прокормимся ¹³.

Здесь жизненной целью представляется уже не стремление разбогатеть, добиться «богатства», как в тексте XVI в. Молодые люди мечтают вместе хотя бы прокормиться своим трудом. Поздний вариант текста характерен для перехода баллады в другую социальную среду — пролетарско-плебейскую или сельских наемных работников и отражает положение и чаяния этих слоев. Еще один, тоже поздний, вариант песни, зафиксированный в горном районе Берна, приспосабливает ее содержание к жизненным условиям мелкого крестьянства:

I will mit dem Pflug gah'z' Acher fahre
und sie cha wacker spinna.

Я с плугом пойду работать на поле,
а она будет прилежно прясть ¹⁴.

Такая конкретно-историческая приспособляемость текста к имеющимся социальным условиям говорит о том, что в традиции этот текст сохраняет свою связь с действительностью, а его варьирующиеся строки всякий раз адекватно соответствуют социальной функции. На основе анализа подобного рода можно попытаться понять и истолковать социальную и прочие функции традиционного фольклора в историческом аспекте ¹⁵.

И, наконец, самая сложная методологическая проблема — адекватное понимание и истолкование фольклора как многообразно и противоречиво развивающейся области социально-культурной жизни. Ибо, во-первых, фольклор охватывает множество жанров, весьма отличных друг от друга по структуре, функциям и развитию действия: песню, предание, сказки, пословицы, шванки и т. п. А, во-вторых, в рамках этих жанров существует множество отдельных явлений, процессов и приемов, т. е. элементов, соотносящихся друг с другом, влияющих друг на друга и

¹² Das Ambraser Liederbuch vom Jahre 1582/Hrsg. von Bergmann J. Stuttgart, 1845, N 53, S. 47.

¹³ *Erk-Böhme*. Deutscher Liederhort. Leipzig, 1893, B. 1, Nr. 70 c.

¹⁴ *Meier J.* Balladen. T. 2. Leipzig, 1936, S. 114.

¹⁵ См. также: *Strobach H.* Variabilität, Gesetzmässigkeiten und Bedingungen. — In: Jb. für Volksliedforschung, 11, 1966, S. 1—9; Sozialkritik und soziale Wirklichkeit als methodische Probleme der Volksliedforschung. — In: Acta Ethnographica Academiae Scientiarum Hungariae, 16, 1967, S. 339—348; *idem.*, Variierungstendenzen im Deutsches Arbeitervolkslied. — In: Dt. Jb. für Volkskunde, 11, 1965, S. 183—191; Neue Quellen zu antifeudalen Volksliedern. — In: Jb. für Volkskunde und Kulturgeschichte, 2, 1974, S. 231—233.

развивающихся по-разному. В традиционном фольклоре можно встретить сюжеты, типы и отдельные тексты, изменяющиеся медленно и постепенно на протяжении столетий, и тексты, жизнь которых очень коротка. Иные жанры и типы в определенные периоды истории отчетливо выступают на первый план, а в другие эпохи оказываются не столь характерными для фольклорного репертуара в целом. Таким образом, историческое развитие фольклора отмечено диалектическим единством постоянства и изменчивости. Сюжеты, типы и функции фольклорных произведений обнаруживают устойчивость на протяжении столетий. В то же время жизнь вносит в них на первый взгляд незаметные, но важные изменения. То же можно сказать о соотношении сходства и различия между жанрами, соотношении смысла текстов и их функции со стилем, одни из которых меняются быстрее, а другие — медленнее. И вместе с тем, если взять фольклор любого времени и любого угнетенного класса или прослойки, то обнаружится, что в каждую эпоху он состоит из многих разнообразных слоев. По крайней мере, именно так обстоит дело в период, для которого мы располагаем прямыми историческими источниками. В фольклор входят разнообразные повествовательные и песенные жанры и изречения — от ритуальных до чисто развлекательных, тексты, различные по содержанию и эстетическому качеству, песни хоровые и сольные и т. п.

Поэтому при работе над историей фольклора нельзя ориентироваться лишь на выяснение того, когда и как возникают определенные жанры фольклора, тексты и группы текстов¹⁶. История фольклора — менее всего история возникновения фольклорных явлений; гораздо важнее исследование процесса вхождения этих явлений в традицию и их бытования. Установление хронологической последовательности возникновения новых тем, сюжетов, фольклорных типов и жанров еще не дает возможности получить адекватную картину исторической жизни фольклора, а помогает лишь проследить диалектику «сосуществования» и «последовательности» фольклорных явлений. Необходимо также выяснить, как протекает диалектическое взаимодействие продолжающей действовать традиции и новаций в процессе исторического развития, какие жанры, категории песен, сюжеты выступают на первый план, а какие исчезают, какие развиваются и меняются больше, а какие остаются относительно неизменными.

Вырисовывающаяся при этом теоретико-методологическая проблема касается соотношения структуры и процесса. Совмещение синхронного и диахронного подходов относится к самым трудным проблемам всякого научно-исторического исследования¹⁷. Поначалу фольклор представляется нам, как и любой отдельный жанр или любой тип текста, цельным и сложным сплетением множества элементов, по-разному соотносящихся друг с другом, т. е. неким социальным явлением, имеющим определенную структуру. Мы располагаем этот материал в зависимости от его особенностей, делим его по генетическому сходству и по различиям на типы, сюжеты, мотивы. Так, вырисовываются структуры типов, жанров и пр., и в конечном результате — общая структура народно-поэтического творчества любой эпохи. Но уже в процессе работы нам становится понятно, что элементы этой структуры и их соотношение постоянно меняются. Следовательно, в реальном материале, отражающем картину бытования народной традиции, доминантой является развитие. И поэтому было бы методологической ошибкой считать несовместимыми структурное и историческое изучение исторических явлений. Или точнее: общественные явления существуют всегда только в виде развивающихся

¹⁶ Ср., например: *Cistov K. V.* Aktuelle Probleme der sowjetischen Folkloristik.— In: *Jb. für Volkskunde und Kulturgeschichte*, N. F. 5 (1977), S. 75.

¹⁷ *Topolski J.* Struktur und Prozeß in der Geschichte.— In: *Probleme der geschichtswissenschaftlichen Erkenntnis*, S. 74; *Pasemann D.* Bemerkungen zur Struktur der Geschichte bei Karl Marx.— In: *Struktur for Prozeß*/Hrsg. von Wessel K. F. Berlin, 1977, S. 87—101.

структур¹⁸. Таким образом, историческую картину народно-поэтического творчества можно получить лишь тогда, когда в толще традиционного материала удастся адекватно определить реальное диалектическое взаимодействие элементов — развивающихся и застывших, доминирующих и зависимых — и их соотношение как единой развивающейся структуры. Для этого, конечно, необходим определенный уровень абстракции. А полученный материал может стать только основой, а не содержанием исторического описания. Точнее, при описании и исследовании фактов, которыми мы располагаем, должны выявляться исторические тенденции и исторические закономерности.

Основной предпосылкой исследования должно служить осознание того факта, что абсолютной самостоятельности, автономности различных форм не существует ни в одной области социальной реальности, а стало быть и ни в одной сфере культуры¹⁹. Скорее, все ее формы и явления подчинены общему социальному целому, что выражается в соотношении многих зависимостей и взаимодействий и передается с помощью нескольких промежуточных звеньев. Структурные связи, законы и особенности развития социального целого всегда в конечном счете определяют конкретные связи, специфику развития и формы изменения отдельных сфер социальной жизни. В применении к фольклору можно сказать, что не существует имманентных ему двигателей развития. Вся история фольклора — это не что иное, как разновидность деятельности «преследующего свою цель человека»²⁰. Люди же стремятся к достижению цели, находясь во взаимоотношениях и связях определенной исторической структуры, где отдельные стороны социальной жизни занимают все-таки доминирующее место. Поэтому и исследование фольклора станет подлинно историческим лишь тогда, когда можно будет увидеть простые эмпирические факты и их эмпирическую взаимосвязь в рамках единого социального целого, сложившегося и меняющегося по определенным законам. Все компоненты этого социального целого как постоянно развивающейся и подвижной на всех своих уровнях и во взаимоотношении этих уровней друг с другом макроструктуры детерминированы, с нашей точки зрения, динамикой производительных сил и производственных отношений. «Эта диалектика определяет развитие всей суммы классовых отношений во всех ее экономических, политических и идеологических формах и областях»²¹. Отсюда следует, что факты, извлеченные из источников, нельзя рассматривать вне связи с изменением этой основной социальной макроструктуры, которую мы называем общественно-экономической формацией. Лишь при таком подходе факт становится историческим, и только тогда можно судить о его подлинной значимости, его сущности; он может быть понят как проявление закономерности в структуре и развитии человеческого общества²².

Социальная функция фольклора, его изменение и развитие и прежде всего условия и причины его существования не могут быть выявлены вне соотношения с конкретно-исторической структурой общества, в котором он бытует. Методическим ключом к этому может служить нам понятие ранжирования. Историческое исследование должно стремиться установить примерное соотношение фольклора и его отдельных разделов, т. е. отдельных жанров, категорий и типов текстов в общем культурно-социальном процессе в конкретный исторический период, и проследить его изменения по отношению к общей социальной структуре и уровню ее

¹⁸ Так как развитие совершается в виде взаимовлияния элементов структур, необходимо исследовать динамику элементов, чтобы объяснить изменения в структуре. Отсюда ясно, что неопозитивистское понимание структуры непригодно для исследования исторических явлений, так как оно не занимается свойствами элементов и принимает во внимание лишь ограниченные во времени связи, существующие между элементами. См.: Engelberg. Op. cit., S. 24 ff; Pasemann D. Op. cit., S. 90.

¹⁹ Ср.: Engelberg E. Op. cit., S. 27.

²⁰ Маркс К. и Энгельс Ф. Святое семейство или критика критической критики.— Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 102.

²¹ Engelberg E. Op. cit., S. 26.

²² Ibidem.

развития. Только это и поможет нам понять тенденции развития, а анализ условий, в которых происходит развитие, подскажет их толкование. Тем самым будет точнее очерчено место структурного анализа, выдвигающего на передний план синхронные связи «пространственного» в историческом исследовании. Структурный анализ является существенным звеном, но никак не всеобщей методологией исследования, которой остаются диалектический и прежде всего исторический материализм.

Таково теоретико-методологическое решение поставленного здесь вопроса о соотношении структуры и процесса «синхронии и диахронии». Практическая реализация этих методологических принципов в конкретных исследованиях, конечно, достаточно сложна и рождает множество частных вопросов, которые в каждом конкретном случае решаются заново. Применение указанных принципов покажет, между прочим, что для структуры развития народно-поэтического творчества во все времена характерно единство «сосуществования» и «последовательности», традиции и новации, стабильности и изменчивости. Во все эпохи, которые мы можем изучать, опираясь на документальные свидетельства по истории народного творчества, традиционные и новые элементы сосуществовали, менялись и развивались параллельно и взаимосвязанно. В применении к современности это приводит нас к широко дискутировавшемуся вопросу о том, отмирает ли фольклор или существуют возможности и тенденции его дальнейшего развития в иных формах при изменившихся условиях. Но этот вопрос касается уже совсем иной темы и выходит за пределы круга рассмотренных здесь методологических проблем ²³.

²³ См.: *Strobach H.* Deutsches Volkslied. Geschichte und Gegenwart. Berlin, 1979 (Schlussbemerkungen).